

Русское делопроизводство XVI–XVII вв. получило определение приказного по названию центральных государственных учреждений – приказов. Крупный массив местной приказной документации образовывала переписка администрации Тобольска с центром, другими сибирскими городами и острогами. В статье рассматриваются состав, формуляр и особенности документов приказной документации XVI–XVII вв., такие как памяти, отписки и челобитные.

Ключевые слова: Сибирь, документ, приказ, память, отписка, челобитная.

ОБ ОСНОВНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ДОКУМЕНТОВ ПРИКАЗНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА СИБИРИ (до конца XVII в.)

Русское делопроизводство XVI–XVII вв. получило определение приказного по названию центральных государственных учреждений – приказов¹. Традиционная система делопроизводства, утвердившаяся в Сибири усилиями воевод, письменных голов, дьяков и подьячих, предусматривала составление определенного комплекса документов, а также предоставление обязательной делопроизводственной отчетности разрядному воеводе или же в Москву (Казанский, а позже в Сибирский приказ). Основную массу документов, оформлявшихся подьячими «съезжих изб», составляли документы финансово-хозяйственного характера; второй крупный массив местной приказной документации образовывала переписка сибирской администрации с центром, другими городами и острогами, например Томском, Тюменью, Верхотурьем, Сургутом, Енисейском, Мангазеей. В настоящей статье рассматриваются состав, формуляр и особенности таких видов документов, как памяти, отписки и челобитные.

Техническими исполнителями делопроизводственных операций в приказах являлись подьячие. К оформлению документации они привлекались в соответствии с уровнем профессиональной подготовки и способностями. «Молодым» подьячим поручалась подготовительная работа над документами, написание текста расписок, механическая копия переписка дел². Подьячим «средней руки» и «старым» поручалось составлять тексты документов, в том числе памяти и отписок. Характерной особенностью делопроизводства местных и центральных приказных учреждений было отсутствие законодательного регулирования, и основывалось оно главным образом на нормах обычного права, традициях, обычаях, переносившихся из поколения в поколение дьяками и подьячими. Несмотря на это, в приказах сложилась определенная последовательность прохождения документов в процессе их исполнения, порядок работы с ними и оформления.

Рассмотрим вначале такой вид приказных документов, как памяти. Это предписание о том, что следует сделать равному с отправителем по рангу учреждению или должностному лицу, чтобы выполнить царское поручение³. Памяти, которые применялись в отношениях неподчиненных между собой учреждений и лиц (переписка между приказами), – это: 1) название документа служебной переписки между приказами; 2) название документа служебной переписки административных учреждений с выборными учреждениями и лицами; инструкции или распоряжения должностному лицу; 3) название публичных и частных актов разного содержания⁴.

Данный вид документов можно определить как «инициативный», поскольку за ними обычно следовали другие, возникшие в ходе рассмотрения дела, – расспросные речи, сказки, выписки и пр.⁵

Особый вид документов составляли «наказные памяти», которые выдавались воеводам при отъезде их к местам службы⁶.

Формуляр памяти окончательно сложился к концу XVI в. Ее заголовок напоминает начало указа, сотной и указанной

грамот одновременно. Он включает точную дату составления документа, ссылку на царский указ, название документа и имена адресатов. Изредка в заголовках отсутствует элемент «память», а в памятях XVI в. – дата. Далее следует собственно напоминание – обычно с указанием ведомств, которые являются отправителем и получателем документа. Память удостоверялась приписью дьяка и справой подьячего, иногда – печатью (напр.: «к сей наказной памяти воевода Петр Никитич Вельяминов печать свою приложил»). На обороте памятей помимо справки нередко можно увидеть пометы адресатов, сделанные после получения документа⁷. Так, сохранилось немало царских наказов и памятей, где воеводам Сургута разъясняются их функции по прибытии в город, порядок управления служилыми людьми и ясачным населением.

«Наказных памятей» воеводского управления, т.е. данных воеводами разным служилым людям для выполнения порученного им дела, в архиве Сибирского приказа сохранилось немного. Они встречаются как в самостоятельном виде, так и в «челобитных делах» служилых людей. Содержание «наказных памятей» очень разнообразно, так как они составлялись по разным случаям. Чаще всего встречаются памяти, данные воеводами «ясачным сборщикам». Эти памяти посвящены порядку сбора яска и управления вообще ясачными людьми. Особенно ценны памяти служилым людям, посланные для постройки острогов в «новых землях»⁸. Наказная память турунского воеводы Никиты Кафтырева сыну боярскому Семёну Шарыгину Меньшому (1641 г.) содержит сведения о том, что необходимо найти подходящее место для постройки Туринского острога⁹. Чаще всего встречаются наказные памяти, данные приказчикам пашенных крестьян. Такова, например, память тюменского воеводы Ивана Тургнева «прикащику» Нижней Ницинской слободы Федору Воронову о прибытии торговых бухарцев (1647 г.)¹⁰. Нередки также наказные памяти служилым людям, отправленным в Москву «в провозатых» у собоиной казны. Сохранилось три таможенных наказа, данных в 1634/35 г. тобольскими воеводами таможенным головам Березова, Сургута и Мангазеи. Кроме воевод, наказные памяти исходили иногда и от «приказных людей», исполнявших роли администраторов на своем «приказе»¹¹.

Памяти излагали конкретные указания служилым людям того или иного сибирского города. Они имели стабильный формуляр, но заметно отличались по своему содержанию. Так, доездная память – это напоминание «командированному» должностному лицу, как следует выполнить на месте возложенное на него поручение. Проезжая память – документ, выдаваемый воеводой или таможенным головой на проезд по территории России. Широкое распространение получили наказные памяти – распоряжения нижестоящим инстанциям. Уже в XVII в. наказные памяти порой назывались наказами: не случайно копии некоторых наказных памятей имеют заголовок типа «список с государева наказу слово в слово», однако собственно наказ обычно представлял собой подробную инструкцию служилому

человеку в связи с назначением на новую должность. Адресатами наказа могли быть самые разные должностные лица, в частности, назначенные в тот или иной уезд воеводы, выезжающие на места для составления писцовых или переписных книг писцы. Все наказы по своей структуре сходны с памятями. Непременным атрибутом практически любого наказа была следующая за датой фраза «государь <...> велел (указал) тому-то ехать в...»¹². Во введении документа с конца XVI в. до середины XVII в. обычно указывалось время составления, далее следовала фраза «по государеву цареву и великого князя...», обозначались должность и имя адресата памяти. С середины XVII в. вид данной части документа претерпевает изменения и начинается, к примеру, так: «Господину Федору Алексеевичу Иван Пушкин челом бьет». Имя царя больше не употребляется при обращении к адресату. Далее в тексте приводится дата составления документа («в нынешнем во <...> году»).

Остановимся теперь на отписках. Так определяют донесения подведомственного местного учреждения в вышестоящее центральное учреждение на имя царя¹³. Однако к отпискам следует относить и документы, использовавшиеся в сношениях между приказами и подведомственными учреждениями, а также в ходе переписки представителей власти на местах. Н.Н. Оглоблин насчитал приблизительно более 20 тыс. грамот и отписок, а вместе с отписками и грамотами таможенного и церковного управления Сибири – до 30 тыс. актов¹⁴.

Чаще всего отписки являются дополнительными документами к разным актам, книгам, делам и неразрывно связаны с грамотами. Однако нередко отписки могут рассматриваться как самостоятельные документы, так как не сопровождаются грамотами. Во многих воеводских отписках первых десятилетий XVII в. встречаются приложения в виде «расспросных речей», «именных росписей», «сказок», а также «чертежи» городов, острогов, зданий и т.п.

Отписка всегда начиналась с обращения типа «государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси холоп твой Сенька Прозоровский челом бьет». Далее говорилось о возникшей проблеме или о выполнении данного ранее поручения: «нынешнего (в нынешнем), государь, <...> году (месяца) в <...> день...». В отписках, служащих ответом на грамоту, содержатся данные о ней: «в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью дьяка...»¹⁵

Следует помнить, что реальным адресатом отписки был не царь, а судья приказа, которому подчинялся воевода. Отписка тобольских воевод боярина князя А.Н. Трубецкого и И.В. Волынского Птицы от 7 февраля 1629 г. «о зачислении ссыльных в казачью службу и в крестьяне»¹⁶ была направлена в Сибирский приказ. Впрочем, есть немало отписок, в которых не упоминаются ни приказ, ни термин «отписка». В этом случае адресат устанавливается по приказным пометам или через определение ведомственной принадлежности адресанта (автора), например по имени воеводы или другого должностного лица высокого ранга. На отписках также часто присутствуют пометы о том, когда и кто отправил отписку: «145-го февраля в 13 день подал тобольский казак Петрушка Олександров»¹⁷. В отписке, как правило, отсутствует удостоверение и дата составления, что отчасти компенсируется хронологическими отсылками в тексте отписки и дьячьей пометой (отметкой) о подаче документа в приказ¹⁸.

Отписки можно разделить на два вида: а) отписки, которые воеводы и головы отправляли в Москву об исполнении тех или иных предписаний (к примеру, в 1598 г. тарский письменный голова А.М. Воейков сообщал о поражении Кучума и приведении к ясачной зависимости инородцев)¹⁹; б) отписки, которые администраторы отправляли друг другу, сообщая о текущих делах, заботясь, в частности, о предотвращении нападений со стороны инородцев (так, в 1603 г. тюменский голова А.И. Безобразов извещал туринского голову И.Ф. Лихарева о намерении царевича Али (Алея) «идти» на Тюмень²⁰).

Среди документов Сибирского приказа за XVII в. нередко попадаются отписки, в которых воеводы указыва-

ют причины, по которым пушной налог был собран не в полном объеме, а также сообщают о том, какие инородцы выбыли из ясачного оклада, а какие «положены» в ясак. Отметим и такую относительно малочисленную группу документов, как отписки воеводских «товарищей». Примером является отписка «товарища» главного тобольского воеводы Ивана Волынского (1626/27 г.) о невозможности жить на воеводском дворе, который от ветхости «совсем падет»²¹. Гораздо чаще встречаются отписки дьяков сибирских городов и острогов, причем нередко писавшиеся без ведома воевод. В некоторых городах места дьяков иногда занимались «подьячими с приписью», и тогда последние оказывались в положении воеводских «товарищей» и имели право обращаться в приказ. Сохранилась, например, отписка верхотурского подьячего с приписью Федора Каменского за 1657/58 гг. о «счете» со своим предшественником подьячим Григорием Похабовым²².

Таким образом, отпискам за период с конца XVI в. до середины XVII в. свойственна устойчивая форма введения – автор (авторы) документа обращались к «государю царю и великому князю...». Позднее встречаются документы, где имя адресата указывается конкретно, без упоминания царя – «господину князю <...> челом бьет». Если же отписка посылалась в Москву, то адрес по-прежнему указывался «государю царю».

Отписки Сибирского приказа, отложившиеся в его архиве и дошедшие до наших дней, представляют очень важным источником по истории городов и острогов Азиатской России, часто содержащим интересный фактический материал.

Челобитная – это прошение, заявление, жалоба²³. Документы данной разновидности характеризуют общественное сознание сибирских миров, а также воззрения ясачного населения. По словам Н.Н. Оглоблина, «в челобитных слышится несомненный голос народа – более действительный и жизненный, чем в разного рода «сказаниях», «повестях» и т.п. произведениях келейного творчества XVII в.»²⁴. Ярко выражен субъективный характер челобитных. Они имели сходный с отписками устойчивый формуляр. Их авторами могли быть самые разные лица – от знатного боярина до посадского человека и крестьянина. Свое название челобитные получили по обороту «бьет челом» (в отписках – «челом бьет»). Термин «челобитные» («челобитья») встречается в Судебниках 1550 и 1589 гг., Соборном уложении 1649 г., сочинении Г.К. Котошихина, но не в тексте самих челобитных. По данным Н.Н. Оглоблина, в Сибирском приказе сохранилось несколько тысяч «челобитных дел»²⁵.

В Уложении 1649 г. впервые предписывалось: «не бив челом в приказ, ни о каких делах государю никому челобить не подавати» (X гл. 20 ст.). Это означало, что просителю следовало обращаться в приказ, а не к царю.

До нас дошло совсем немного челобитных сибирского происхождения, в удовлетворении которых было отказано. С.Б. Веселовский связывал это обстоятельство с тем, что подача челобитных облагалась пошлиной, почему у просителя не было смысла исполнять стоящую денег формальность, зная заранее, что его постигнет неудача²⁶.

По своему составу «челобитные дела» могут быть подразделены на три вида: а) простейший вид – одна «челобитная», с «приговором» на ней же (на обороте) Сибирского приказа; б) челобитные дела, возникшие в Москве, т.е. в бытность там челобитчика; они состоят из «челобитной», «выписи» (справки) Сибирского приказа (хотя и не всегда) и «грамоты» последнего к местному воеводе с приговором приказа по предмету челобитья; в) челобитные дела, возникшие в Сибири, которые состоят из тех же документов, но также с «отпиской» местного воеводы, приславшего в Москву челобитную данного лица.

Кроме того, в состав челобитных дел второго и третьего вида входят иногда и многие другие документы – «памяти» по сношениям Сибирского приказа с другими приказами, «наказные памяти» (в делах о разных служебных назначениях челобитчиков), «росписи служб» челобитчиков и прочие²⁷.

Если отписка начиналась словами «государю царю», то челобитная — «царю государю». Форма написания имени автора в челобитных служилых людей по отчеству дословно повторяет соответствующий реквизит отписок. В прошениях крестьян и посадских людей «холопов» заменяют «сироты». Представители духовенства называли себя «богомольцами», в отличие от светских лиц указывали свои должности и не использовали уменьшительно-уничтожительную форму написания своего имени. Далее излагались обстоятельства дела. Собственно просьба выражалась словами типа «милосердный государь (царь) <...> пожалуй (или «смилуйся») <...> вели...». Челобитные на имя самодержца всегда завершались фразой «царь государь, смилуйся, пожалуй». Впрочем, последнее слово в тексте иногда отсутствовало. При обращении челобитчика к частному землевладельцу, разумеется, опускались выражения «царь», «государь (государыня), смилуйся, (пожалуй)». В челобитных, как и в отписках, нет удостоверения и даты (все вышесказанное относится только к челобитным XVII в.)²⁸.

Челобитные поступали: а) от служилых людей, которые чаще всего жаловались на несвоевременную выдачу окладов и нехватку хлебного жалования, чтобы прокормить семью. Любопытна челобитное дело Бориса Афанасьева Зубова, сына кузнецкого воеводы, бывшего челом о государевом жаловании за сибирскую службу при отце. Челобитие воеводского сына было удовлетворено: он получил поместную и денежную придачу²⁹; б) от начальных людей, которые также сетовали на размеры жалований (например, енисейского казачьего атамана с товарищами о выдаче «послужного жалования», т.е. награды за особые служебные подвиги)³⁰; в) от детей боярских, чаще всего просящих о поверстании их в этот чин, об определении в различные «приказы», о назначении «выходного жалования» и т.п. Любопытны и челобитные детей боярских об их личных нуждах, так, один тюменец в 1626/27 гг. просил отпустить его в Великий Новгород «помолиться новгородским чудотворцам»³¹; г) от сибирских казаков, которым принадлежит преобладающее количество челобитных дел, осевших в Сибирском приказе (чаще всего встречаются дела о поверстании в казачью службу, служебных перемещениях, просьбы о разных видах

жалований, встречаются также и прошения по личным делам); д) от стрельцов таких челобитных встречается гораздо меньше, чаще всего они касаются поверстания в другой чин, назначения жалования и некоторых личных просьб.

Особое внимание хотелось бы уделить «челобитным делам» ясачного населения Сибири. Удивительно, но по таким крупным уездам, как Верхотурье, Мангазейский, Тобольский, Томский и др., уцелело чрезвычайно мало челобитных дел, особенно по сравнению с менее значительными уездами (Кетскому, Нарымскому)³². Н.Н. Оглоблин выделял группу челобитных от «всего уезда», т.е. поданных от имени ясачных людей целого уезда (например, челобитие ясачных людей Томского уезда на злоупотребления воеводы кн. Ивана Федоровича Шаховского от 1626/27 гг.) и «мирских челобитных», поданных отдельными ясачными людьми (например, челобитие от 1628/29 гг. ясачных людей Аялымской волости Тарского уезда «князца» Байтугача Байгильдьева с товарищами о неправильных записях в «ясачных книгах» 1617/18 гг.)³³.

Особый интерес представляют также и челобитные дела лиц, оказавшихся в сибирской ссылке. Большинство челобитных дел такого рода содержат просьбы о поверстании в службу (напр., ссыланного поляка Корнилия Воеводского за 1628/29 гг., сосланного десятилетием прежде, о зачислении в тобольские дети боярские); об освобождении «посаженных» на пашню от этой повинности; об освобождении из ссылки (напр., бывшего вяземского сына боярского, 1625/26 гг.)³⁴.

Примечательно, что формуляр челобитных на протяжении конца XVI — конца XVII в. не претерпел значительных изменений.

Устойчивость формуляра челобитных, памятей, отписок свидетельствует о том, что в России XVII в. уже сложилось канцелярское делопроизводство. Единообразию документации способствовали содержавшие ее образцы — разнообразные письмовники, образцовые книги, формуляры. В приказной документации, как мы видим, наблюдается определенная последовательность в оформлении, прохождении и порядке работы с такими видами документов, как память, наказ и челобитная³⁵.

¹ Кузнецова Т.В. Делопроизводство (документационное обеспечение управления). М., 2002. С. 6.

² Леонтьева Г.А. Организация приказного делопроизводства в Сибири и профессиональная подготовка сибирских подьячих в XVII в. // Развитие культуры сибирской деревни в XVII — начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 18.

³ Пашин С.С. Русские документы XII—XVII веков: Учебное пособие. Тюмень, 2006. С. 54.

⁴ Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974. С. 71.

⁵ История делопроизводства в СССР / Под ред. Я.З. Лившица, В.А. Цикулина. М., 1974. С. 17.

⁶ Там же.

⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 287.

⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 141—150, 167—171.

⁹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 478—479.

¹⁰ Там же. С. 519—520.

¹¹ Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М., 1895. Ч. 1. С. 41—44.

¹² Пашин С.С. Русские документы... С. 55.

¹³ Краткий словарь видов и разновидностей документов... С. 71.

¹⁴ Обзорение столбцов и книг. М., 1900. Ч. 3. С. 2.

¹⁵ Первое столетие сибирских городов: XVII в. Новосибирск, 1996. С. 58—59 (История Сибири. Первоисточники. Вып. 7).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 78.

¹⁸ Пашин С.С. Указ. соч. С. 56—58.

¹⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией имп. Академии наук. СПб., 1841. Т. 2. С. 3—5.

²⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 151.

²¹ Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 8—9.

²² Там же. С. 9—10.

²³ Краткий словарь видов и разновидностей документов. С. 79.

²⁴ Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 88.

²⁵ Там же. С. 87.

²⁶ Веселовский С.Б. Приказный строй управления Московского государства. Киев, 1912. С. 6—7.

²⁷ Там же. С. 88.

²⁸ Пашин С.С. Указ. соч. С. 58—59.

²⁹ Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 91.

³⁰ Там же. С. 99—100.

³¹ Там же. С. 103. См. также: Вершинин Е.В. Челобитные аборигенного населения Сургутского уезда (XVII в.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 53—62.

³² Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 157.

³³ Там же. С. 158—159.

³⁴ Там же. С. 160—161.